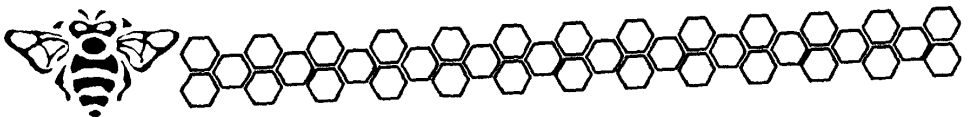

STUDIA PHILOLOGICA

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

**КОМПАРАТИВИСТИКА,
УРАЛИСТИКА**

ЛЕКЦИИ И СТАТЬИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.2
X 36

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16026

Хелимский Е. А.

X 36 Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. — М.:
Языки русской культуры, 2000. — 640 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0157-9

Изучение лингвистическими средствами этнокультурной истории Северной Евразии — так, в наиболее общем виде, можно обозначить тематику большинства статей и лекций авторского сборника Евгения Хелимского. Эти работы сгруппированы в пять взаимосвязанных разделов: «Самодийские народы, языки и культуры» (полевая работа на самодийском Севере служит отправной точкой многих исследований автора), «Уралистика», «Алтаистика. Самодийско-алтайские языковые контакты», «Славистика. Славяне и финно-угры. Русский язык в Северной Евразии», «Ностратика. Ранние индоевропейско-уральские связи». Во многих случаях рассмотрение частных вопросов праязыковой реконструкции и этимологии сочетается с экскурсами в область теории и методологии сравнительно-исторических исследований.

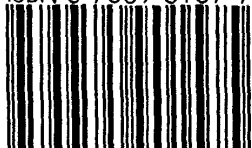
Тематическая и дисциплинарная многоплановость позволяет рассматривать сборник не только как научное издание, но и как учебное пособие для студентов, интересующихся лингвистической компаративистикой, уральскими языками, историей и культурой народов Северной Евразии — это подтверждает и лекционный опыт автора в российских и зарубежных университетах.

ББК 81.2

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0157-9

9 785785 901575 >

© Е. А. Хелимский, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
-----------------	---

Самодийские народы, языки и культуры

Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев	13
Очерк истории самодийских народов	26
Phonological and morphological properties of quantity in Samoyed	41
Прасамодийские серии посессивов и их рефлексy	45
Об одном переходном северносамодийском диалекте	50
Установление диалектной принадлежности энецких материалов	56
The Enets text of the Lord's prayer from Witsen's book	60
К исторической диалектологии селькупского языка	68
Критерии классификации диалектов селькупского языка	80
Этимологические заметки по энецкой ономастике	82
Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях	94
Загадки-иносказания в нганасанском фольклоре	110
Номинативная мини-загадка: на стыке загадки, метафоры и лексического субститута	118
Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха	125
Does the language of spirits influence the development of human language?	155
Займствованиа из православной религии и советской идеологии в ритуальной практике нганасанского шамана	159
Нганасанский язык как литературный: размышления по поводу литературных языков	161

Уралистика

Proto-Uralic gradation: continuation and traces	167
Bisyllabic consonantal and trisyllabic vocalic stems in Finno-Permian and further	191
Прасамодийские * <i>ə</i> и * <i>ä</i> : прауральские источники и нганасанские рефлексy	196
Протосаамский и самодийский: корпус этимологий в свете современных данных самодистики	202
Правило Хонти для венг. <i>fészek</i> и его аналог в маторском языке	218
Г. Ф. Миллер и венгерская этимологическая традиция	221
Мифология и религия уральских народов	230

Алтаистика.

Самодийско-алтайские языковые контакты

Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика	243
Происхождение древнетюркского чередования <i>r~z</i> и дилемма «ротацизма-зетацизма»	256
A distinctive feature which became a phoneme: the case of Monguor	267
On probable Tungus-Manchurian origin of the Buyla inscription from Nagy-Szentmiklós	268
Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации.....	278
К истории этноязыковой ситуации в центре Азии: данные маторско-тайгийско-карагасского языка.....	284
On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic: a rejoinder	292
Самодийские лексические заимствования в тюркских языках: этимологии и оценка их достоверности	301
Тюркские лексические раритеты в маторском языке.....	313
Нганасанские заимствования в долганском языке: к выходу в свет долганского словаря М. Стаховского	320

Славистика.

Славяне и финно-угры.

Русский язык в Северной Евразии

* <i>Vele</i> , * <i>bolje</i>	325
Славянские (новгородско-псковские) заимствования в прибалтийско- финских языках: -а и -и в рефлексах имен мужского рода.....	331
К интерпретации древнерусских текстов: 1. нарцы; 2. шестники.....	333
О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах	338
О нескольких лексических реликтах новгородской и севернорусской колонизации.....	349
Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии.....	351
Rossica: Этимологические заметки.....	353
Два <i>šišá</i> : Turkic <i>šiš(ik)</i> and Fennic <i>hīsi</i> in Russian	358
Селькупские заимствования в русских диалектах.....	363
«Говорка» — таймырский пиджин на русской лексической основе	378
Корреляция по палатализации и падение редуцированных: славянско-самодийская аналогия.....	396
Fenno-ugrica в «ятвяжском» словаре?	402
Изучение ранних славяно-венгерских языковых отношений	404
Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии	416
<i>Király</i> и <i>olasz</i> : к истории ранних славяно-тюрко-венгерских отношений.....	433
Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке.....	436
Лексико-семантические раритеты в ранних славянских заимствованиях венгерского языка	452
Slavic/Latin/German stress and Hungarian vowel harmony	456
Славянское койне в Венгрии Арпадов и происхождение славяно-венгерских топонимов в Трансильвании.....	462

Ностратика.**Ранние индоевропейско-уральские связи**

Ностратические компоненты показателя собирательности:	
славянско-самодийская аналогия.....	469
Уральский консонантный ауслат ~ индоевропейская гетероклиза?.....	474
A «new approach» to Nostratic comparison	476
К оценке надежности индоевропейско-семитских лексических сопоставлений	481
«Смешанные» состояния и типологическая реконструкция	487
Early Indo-Uralic linguistic relationships: real kinship and imagined contacts	489
Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)?.....	502
Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках	511
Указатель форм.....	537
Литература	592
Список сокращений.....	634

ОТ АВТОРА

Предложение издательства «Языки русской культуры» (А. Д. Кошелев) и поддержка Российского гуманитарного научного фонда позволили мне собрать под единой обложкой наиболее важные работы, опубликованные или представленные в качестве докладов на конгрессах и конференциях в течение последних 25 лет. Немалая часть этих работ либо связана своим замыслом с подготовкой и проведением лекционных курсов в российских (советских) и зарубежных университетах, либо была непосредственно использована как основа для таких курсов. «Лекционный потенциал» служил и одним из основных критериев отбора статей для настоящего издания (в него не вошли, в частности, многие публикации чисто дескриптивного и обзорно-источниковедческого содержания, а также рецензии). Другим критерием было желание автора представить в данном сборнике совокупность основных новых — пусть нередко и фрагментарных — результатов, на достижение которых были направлены его исследования; в числе таких результатов — формулировки фонетических законов и правил, экспликаторные модели, этимологии, гипотезы из области этнической и этнокультурной истории, теоретико-методологические тезисы. (В то же время сборник не повторяет содержания монографических работ автора.)

Распределение работ по пяти разделам книги и их относительный порядок внутри каждого из разделов носят в известной мере условный характер (например, самоэологическая тематика затрагивается, прямо или косвенно, и в ряде лекций и статей из разделов «Славистика»).

Как легко догадаться, основную сложность при подготовке данной книги представлял огромный разброс в транскрипционных обозначениях и формах ссылок на источники, обусловленный и специфическими требованиями тех или иных журналов и сборников, и их техническими возможностями, и — не в последнюю очередь — постепенной эволюцией взглядов и предпочтений самого автора. Основной труд по транскрипционной и библиографической унификации принял на себя В. Ю. Гусев — в прошлом один из наиболее постоянных и активных слушателей моих лекций в Российском государственном гуманитарном университете и спутник в ряде таймырских экспедиций, вклад которого в создание данной книги далеко выходит за рамки «подготовки оригинал-макета». Ему я обязан и немалой частью редакционных изменений и уточнений в ранее публиковавшихся текстах. Наиболее важные дополнения введены в исходный текст статей в угловых скобках. Как правило, специально не оговариваются сокращения первоначально публиковавшегося текста за счет избыточных (для данного издания) или утративших свою актуальность фрагментов.

Тем не менее, всеобъемлющая унификация формы и содержания оказалась невозможна; в той или иной мере каждая из вошедших в сборник работ несет на себе отпечаток времени и обстоятельств своего создания. В ряде случаев автор сознательно отказался от корректировки прежних работ на основе более поздних данных. Поэтому, например, прасамодийские реконструкции в статьях 1980-х гг. следуют в основном SW и не содержат разграничения двух «шва»-образных гласных (ср. [Хелимский 1993]) и некоторых других нововведений. Определенные непоследовательности (которые отражаются и в словоуказателе тома) обусловлены параллельным использованием различных источников материала отдельных уральских, тюркских и др. языков. Хотелось бы, однако, заранее принести читателям книги извинение за те погрешности, устранению которых помешала лишь невнимательность автора.

САМОДИЙСКИЕ НАРОДЫ, ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

САМОДИЙСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ПРАИСТОРИЯ САМОДИЙЦЕВ*

В настоящей статье ставится цель суммировать некоторые значимые с точки зрения лингвопалеонтологии данные по этимологии, диалектологии, генетическим и ареальным связям самодийских языков и истолковать их как источники для этногенетической и культурно-исторической реконструкции. Сравнительно-историческое языкознание является лишь одной из комплекса исторических дисциплин и поэтому, естественно, эти данные способны пролить свет лишь на фрагменты общей картины; впрочем, ограничиваясь лингвистическими аргументами, автор старается учитывать и использовать (иногда имплицитно) и результаты смежных дисциплин — археологии, этнографии, антропологии, что служит, как можно надеяться, защитой от произвольности в предлагаемых интерпретациях. С другой стороны, опора на языковые данные полностью оправдывается тем, что — особенно при углублении в не засвидетельствованное историческими документами прошлое — никакая из смежных дисциплин не способна соперничать с лингвистикой в точности и надежности этноязыковой «привязки» имеющегося материала.

Древнейшая прародина самодийцев. Весьма убедительным итогом развития лингвопалеонтологии прауральской (финно-угро-самодийской) эпохи представляется разработанная П. Хайду концепция, согласно которой в VI–IV тыс. до н. э. уральская прародина располагалась «к северу от Среднего Урала, между нижним течением Оби и истоками Печоры, большей частью, вероятно, в Западной Сибири» [Hajdú 1964a: 74].

Возможность западносибирской локализации не только уральской, но и даже финно-угорской прародины подтверждают результаты П. Вереша, основанные на данных о прежнем распространении в Западной Сибири некоторых широколиственных древесных пород и медоносной пчелы [Вереш 1985; Veres 1988].

К. Редей признает концепцию П. Хайду неадекватной, поскольку она не дает объяснения хронологическим и особенно географическим обстоятельствам контактов между уральцами (финно-уграми) и индоевропейцами [Rédei 1986: 9].

* Впервые опубликовано в: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). Ч. 2 / ИВ АН СССР. М., 1989. С. 2–20. См. также: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991. С. 86–99.

Возражение это, однако, продиктовано чисто контактной трактовкой проблемы древнейших индоевропейско-уральских лексических параллелей и снимается ностратическим языкознанием¹.

Размещение той части прауральского населения, потомками которой явились самодийцы, допускает в рамках этой концепции дальнейшие уточнения. Анализ некоторых параллелей между венгерским, обско-угорскими и самодийскими языками, главным образом морфологических, подтверждает тезис о диалектной неоднородности уральского праязыка и позволяет предположить, что его «досамодийские» и «доугорские» диалекты обладали рядом общих черт, которые отличали их от «допермских» и особенно от «дофинно-волжских» диалектов [Хелимский 1982a]. Естественно считать, что «досамодийские» и «доугорские» диалекты образовывали единый диалектный ареал, и локализовать этот ареал в восточной части уральской прародины². Основой для такой локализации служит факт существования относительного изоморфизма между географической и генетической близостью отдельных языков уральской семьи. Этот изоморфизм сложился вследствие того, что дивергенция уральской праязыковой общности шла постепенно, освоение новых территорий велось главным образом населением той части прародины, которая примыкала к каждой из этих новых территорий, и соответственно схема позднейшего взаиморасположения языков-потомков в основном повторяет в увеличенном масштабе схему взаиморасположения соответствующих праязыковых диалектов (которой, в свою очередь, тесно коррелирует с относительной генетической близостью этих диалектов).

В данном случае речь идет об одном из частных приложений общего принципа этноисторической интерпретации диалектологических данных. Наличие явной корреляции между территориальной и генетической близостью диалектов (групп языков-потомков), ситуация континуума с высокой долей вероятности указывают на постепенный характер происходившей дивергенции (примеры: романские, тунгусо-маньчжурские, дравидийские языки; коми-зырянские, хантыйские, селькупские диалекты). Отсутствие или слабость такой корреляции, обрывы диалектного континуума указывают на скачкообразность распада исходного единства или на то, что дивергенция не сводилась к простой иррадиации (примеры: иранские, тюркские, самодийские языки; восточнославянские, финские диалекты).

При этом следует считаться с той возможностью, что районы, частично охваченные охотничьей промысловой деятельностью прауральского населения, могли простираться довольно далеко на восток или юго-восток от указанной прародины и даже достигать региона, о котором ниже говорится как о вероятной самодийской прародине накануне времени распада самодийского праязыка. Учет этой возможности открывает путь к «стыковке» концепции П. Хайду с гипотезами археологов, соотносящих с уральской языковой общностью относительно единую раннеолитическую культуру, простиравшуюся от Европейского Приуралья до Енисея [Халиков 1969: 381; Чернецов 1973]. Одновременно оказывается возможным объяснить происхождение таких лексических соответствий между ураль-

¹ <См. [Helimski 1999].>

² В более раннюю эпоху к этому ареалу мог примыкать и диалект — предок юкагирских языков (ср. характерную самодийско-юкагирскую изоглоссу использования коаффикса *-kз- в местных падежах).

скими и алтайскими (особенно тунгусо-маньчжурскими) языками, которые обозначают природные и культурные реалии таежной зоны³ и не могут поэтому отражать ни нестратические, ни более поздние — достаточно, впрочем, гипотетические — «туранские» (центральноазиатские) контакты (ср. [Menges 1977: 173]).

Прасамодийская эпоха: лексические данные. Названия хвойных деревьев, на анализе которых П. Хайду основывает свою концепцию уральской прародины, служат решающим аргументом и при рассмотрении проблем самодийской праистории. Самодийский праязык сохраняет уральские наименования основных хвойных пород — ели (ПС **kãâi* > ПУ **kawse* [SW: 61; UEW: 222]), кедра — точнее, кедровой сосны *Pinus sibirica* (ПС **tjten* > ПУ **siksə* [SW: 160; UEW: 445]), пихты (ПС **ñulkã* > ПУ **ñulkz* [SW: 112; UEW: 327]), сосны (ПС **je* > ПУ **jzɨz* [SW: 42; UEW: 107; (Helimski 1997: 194))). Столь замечательная сохранность этой группы лексики позволяет утверждать, что на протяжении всей прасамодийской эпохи (III–I тыс. до н. э.) носители праязыка не покидали зоны тайги. Речь идет, разумеется, в первую очередь или даже исключительно о западносибирской тайге: по палинологическим данным, в течение почти всего среднего голоцена (VI — середина I тыс. до н. э.) широкое распространение *Pinus sibirica* в этом регионе, а отчасти также на крайнем северо-востоке Европы и на правобережье Енисея, сочеталось с ее вероятным отсутствием (или присутствием лишь в виде кедрового стланика) как в остальных частях Европы, так и на большей части Восточной Сибири [Hajdú 1964a; Хотинский 1977].

Показательно, что у ботанического феномена — распространения хвойных пород из Западной Сибири в Восточную — обнаруживается языковой аналог. К ранним самодийским или угорским формам, продолжающим указанные выше уральские названия кедров и ели, могут восходить ПТМ **suktu* ‘кедр’ [ТМС II: 122] и **k’asi-* ‘ель’ [ТМС I: 56], а к более поздним формам тех же названий — ПТМ **takti-* ‘кедр’ [ТМС II: 156], а также тюрк. **kadu* ‘сосна’ ([VEWT: 218]; скорее всего, из ПС **kãâti-*, ср. нем. *χadi* ‘ель’) и **tjti* ‘лиственница’ [VEWT: 479].

На распространение самодийского языка накануне распада праязыковой общности в таежной зоне указывают также присутствовавшие в нем названия лиственницы (**to¹jma* [SW: 164]) и ряда таких животных и птиц, общим ареалом обитания которых могла быть только тайга: гагары **ñuññä*, кедровки **käsärä¹*, глухаря **senkë*, росомахи **wiñkãnce*, соболя **ki*, летяги **pэнso(j)* [SW: 112, 65, 140, 176, 69, 121], а также выдры **tet* [Helimski 1987a: 92], горностаю **piñz*, косули **pajt¹z* [Хелимский 1986: 132, 131], горного козла **munt¹o* [Helimski 1997: 702]⁴. Судя по последним двум зоонимам, следует думать, скорее, о южной и близкой к предгорьям полосе тайги.

Сказанное, конечно, не исключает возможности самодийского происхождения каких-то степных или даже тундровых культур III–I тыс. до н. э. Однако их

³ Речь идет о соответствиях типа ПУ **sukse* ‘лыжи’ ~ ПТМ **sũksi-* (выявлены в работах М. Рясненна, Б. Коллиндера, К. Г. Менгеса, Д. Синора, И. Футаки и некоторых других авторов).

⁴ (Примечательно, что название горного козла, непосредственно сохранившееся только в камасинском и маторском языках (прочим самодийцам это животное ныне неизвестно), служит основой для общесамодийского и повсеместно сохраненного обозначения породы (**munt¹o¹siñz*)).